

Научная статья
УДК 82.091

**ПЕРЕВОДНОЙ ШЕКСПИР В.К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА:
АСПЕКТЫ ВОЗМОЖНЫХ ПЕРСПЕКТИВ
(К 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА-ДЕКАБРИСТА)**

Елена Александровна Первушина

доктор филологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия, pervushelena@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5341-9580>

Аннотация. Статья посвящена анализу переводческих и исследовательских подходов В.К. Кюхельбекера к Шекспиру. К сожалению, его труды были напечатаны только в конце XX столетия и современная поэту переводная литература осталась без его влияния. Рассуждая о том, каким могло быть это влияние, автор статьи утверждает, что в сложной ситуации становления отечественной переводческой рецепции Шекспира Кюхельбекер занимал передовые позиции, определившие ее результативное развитие в XIX веке. Более того, в работе представлены выводы о том, что переводческое наследие Кюхельбекера представляет немалый интерес и для современной переводной словесности.

Ключевые слова: Кюхельбекер, Шекспир, русская переводческая рецепция Шекспира.

Для цитирования: Первушина Е.А. Переводной Шекспир В.К. Кюхельбекера: аспекты возможных перспектив (К 225-летию со дня рождения поэта-декабриста) // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1, № 1. С. 78–86.

Original article

**TRANSLATED SHAKESPEARE BY W.K. KUCHELBECKER:
ASPECTS OF POSSIBLE PERSPECTIVES
(TO THE 225th ANNIVERSARY OF POET-DECEMBRIST'S BIRTH)**

Elena A. Pervushina

Doctor of Philology, Associate Professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia,
pervushelena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5341-9580>

Abstract. The article is devoted to the analysis of translation and research approaches of W.K. Kuchelbecker (1797-1846) to Shakespeare. Unfortunately, his works were published only at the end of the XX century and the translated literature modern to the poet was not influenced by his work. Discussing what this influence could have been, the author of the article argues that in the difficult situation of the formation of Shakespeare's domestic translation reception, Kuchelbecker was always in the leading positions that determined its effective development in the XIX century.

Moreover, the paper presents the conclusions that the translation heritage of Kuchelbecker is of considerable interest for modern translated literature.

Key words: Kuchelbecker, Shakespeare, Russian translation reception of Shakespeare.

For citation: Pervushina E. A. Translated Shakespeare by W.K. Kuchelbecker: Aspects of Possible Perspectives (to the 225th Anniversary of Poet-decembrist's Birth) // Far Eastern Philological Journal. 2023. Т. 1, № 1. P. 78–86. (In Russ.).

В июне 2022 года исполнилось 225 лет со дня рождения Вильгельма Людвиг фон Кюхельбекера, имя которого позже русифицировали и преобразовали в Вильгельма Карловича. Конечно, этого человека знают все – как друга Пушкина и Грибоедова, как поэта и литературного критика, как общественного деятеля, ставшего участником декабристского движения. Однако как литературный переводчик Кюхельбекер известен немногим. Показательно, что даже в самом полном энциклопедическом издании по литературе и литературоведению, изданном в СССР в 1960–70-е гг., о переводческой деятельности Кюхельбекера сказано только одно слово – «переводчик» [3, с. 948], а в современной свободной электронной энциклопедии «Википедия» о Кюхельбекере как о переводчике и вовсе ничего нет. Тем не менее поэт переводил «Гимн Земле» из Гомера, «Надовесскую похоронную песнь» Ф. Шиллера, стихотворения Х.Ф. Геллерта. Но главное и самое значительное в переводческом наследии Кюхельбекера – его переводы из Шекспира: «Ричард II» (1828), «Макбет» (1828), первая часть «Генриха IV» (1829–1830), «Ричард III» (1832, новая редакция – 1835–1836), «Венецианский купец» (1834). В замыслах 1832–1833 гг. были также «Король Лир» и «Два веронца». «Переводческой работы таких масштабов по отношению к Шекспиру не предпринимал до него ни один русский литератор», – указал авторитетный отечественный шекспировед Ю.Д. Левин (1920–2006) [10, с. 69].

Кюхельбекер боготворил Шекспира. Осуждая критиков за призывы к подражательному романтизму и чрезмерное увлечение Байроном, поэт считал Шекспира стимулирующим примером истинно самобытного и национально созидательного романтизма. Позднее, после поражения восстания декабристов, Кюхельбекер разделил возросший интерес к Шекспиру как живописцу исторических катастроф. Но в отличие от современников, эпизодически рассыпавших отдельными реминисценциями свидетельства влияния на них Шекспира, Кюхельбекер занялся его изучением системно, последовательно и глубоко. «Ни один русский писатель не посвятил стольких трудов Шекспиру, как Кюхельбекер, – подчеркнул Ю.Д. Левин. – Шекспировские занятия, которым он отдал многие годы своей творческой жизни, были многообразны; они включали в себя и истолкование драматургии Шекспира, и опыты воссоздания его пьес на русском языке, и разностороннее использование и переосмысление шекспировских мотивов и поэтики в оригинальном творчестве» [10, с. 79]. Действительно, Кюхельбекер говорил о Шекспире в своих статьях, часто приводил сравнения с шекспировскими героями в дневниках и письмах. Специалисты выявили черты шекспиризации и в оригинальных произведениях Кюхельбекера. Особенно в драматической шутке «Шекспировы духи» (1825), мистерии «Ижорский» (1826–1841), фарсе «Нашла коса на камень» (1831) [об этом подробнее см.: 10, с. 64–80, 247–252; 4, с. 53–102]. Однако, как подчеркнул Ю.Д. Левин, использование шекспировских мотивов – «это периферия шекспиризма Кюхельбекера. Основным для него, как и для других декабристов после декабря 1825 г., а также и Пушкина, был Шекспир – историк и трагик. Это выразилось прежде всего в переводах [Подчеркнуто автором. – Е.П.]» [10, с. 69].

В середине 1960 г. Ю.Д. Левин проанализировал и оценил шекспировские переводы, выполненные Кюхельбекером, рассмотрев эти переводы в развернутом контексте русской культуры XIX в. Ученый отметил в них достаточную адекватность переводческого понимания Шекспира и ответственное стремление в воспроизведении смысла и формы его творений, в том числе – стиховых особенностей соответствующих фрагментов шекспировских пьес. Левин обратил внимание на то, что Кюхельбекера не смущала необычная образность Шекспира, привел примеры удачных переводческих находок поэта в их воссоздании. Вместе с тем, исследователь показал, что Кюхельбекер, чей собственный поэтический стиль был отнюдь не безупречным, далеко не всегда справлялся с трудностями перевода, временами обедняя шекспировский язык, а в отдельных случаях даже искажая смысл оригинала [подробнее см: 5; 6; 9; 10 с. 64–80, 247–252].

Рассуждая о сложных обстоятельствах, в которых работал Кюхельбекер, и о судьбах выполненных им шекспировских переводов, Ю.Д. Левин назвал поэта-декабриста самой трагической фигурой русского шекспиризма [10, с. 79]. Неудивительно: хотя Кюхельбекер предпринял серьезные и очень ответственные усилия для публикации своих переводческих трудов, современники их не увидели. Эти переводы начали печатать только спустя почти полтора столетия после смерти поэта, когда в России наступило время мощного подъема школы отечественного литературного перевода. Высочайших достижений добились ставшие знаменитыми переводчики Шекспира: А.Д. Радлова, М.Л. Лозинский, Б.Л. Пастернак, Ю.Б. Корнеев, Т.Л. Щепкина-Куперник и др. На фоне этих высокопрофессиональных и художественно ярких мастеров переводы Кюхельбекера предстали безнадежно устаревшими. «Самоотверженный труд поэта-декабриста пропал напрасно», – горестно заключил Ю.Д. Левин [5, с. 59].

Однако при этом ученый указал, что «как ранний памятник усвоения в России подлинного Шекспира эти переводы поэта-декабриста заслуживают самого пристального и внимательного изучения» [5, с. 59]. Сказанное побудило нас к созданию данной статьи, в которой мы попытались наметить некоторые возможные направления такого изучения и по возможности конкретизировать и дополнить выводы Левина о значимости шекспировских переводов, выполненных Кюхельбекером. Размышляя о том, что отечественная переводная литература первой трети XIX столетия осталась без влияния Кюхельбекера, нам показалось интересным и важным предположить, в каких аспектах могло бы состояться это влияние.

Прежде всего уточняющего исследовательского внимания, на наш взгляд, требует творческая позиция Кюхельбекера – переводчика Шекспира. Уместно напомнить, что ранней переводческой рецепции Шекспира в России необходимо было решить ряд непростых для того времени культурно-эстетических проблем. Одна из них – преодоление французского классицизма в восприятии Шекспира и представления его читателям варваром, не знавшим литературных правил. Отсюда стремление облагородить неожиданного возникшего британского «дикаря», а потому не просто переводить, а непременно адаптировать его в соответствии с требованиями классицизма. Известно, что в создании таких переделок преуспели П. Летурнер и особенно Ж.-Ф. Дюси, которого В.Г. Белинский насмешливо назвал шекспировым парикмахером. Именно такого «облагороженного» Шекспира переводили поначалу в России, причем в свою очередь тоже переделывая. Такими двойными переделками, были «Гамлет» А.П. Сумарокова (1748), «Отелло» И.А. Вельяминова (1808), «Леар» Н.И. Гнедича (1808), «Гамлет» С.И. Висковатова (1811), «Макбет» П.А. Корсакова (1815).

Совсем другое впечатление на деятелей русской культуры произвело переложение шекспировского «Макбета», выполненное в 1800 г. Шиллером. А.А. Бестужев-Марлинский,

для которого Шекспир был «сама поэзия», считал, что «мир его дивных мечтаний» не имел «отголоска в нашем мире», «покуда гений Шиллера не угадал его девственной прелести и не усвоил немецкой словесности романтизма Шекспирова во всей величавой его простоте» [10, с. 65]. Но когда А.Г. Ротчев (1807–1873) перевел и в 1830 г. издал это шиллеровское переложение, факт очередной адаптации возмутил русских читателей, тем более что она вышла под совершенно нелепым названием – «Макбет. Трагедия Шекспира. Из сочинений Шиллера».

Безусловно, началом отечественного шекспиризма стало обращение к подлинному Шекспиру. Однако переводческое проецирование оригинальных творений английского драматурга в русский язык и русскую поэзию довольно долго продолжало казаться невероятным. Невозможными для воссоздания на русском языке в первую очередь виделись поэзия Шекспира и его усложнённый поэтический язык со знаменитой эвфуистической метафорикой. «Совместно читать Шекспира в переводе, если кто хочет вполне понимать его, – писал в 1828 г. А.С. Грибоедов К.А. Полевому, – потому что, как все великие поэты, он непереволим, и непереволим оттого, что национален» [1, с. 65]. «Совместить в переводе Шекспира безусловную верность подлиннику с художественностью выполнения, <...> решительно невозможно», – продолжал настаивать обозреватель «Пантеона» в 1852 г. [7, с. 368].

В результате родилась компромиссная идея – переводить поэтические тексты Шекспира в прозе. Еще в конце XVIII столетия Н.М. Карамзин, хотя и заявлял, что Шекспира, чей дух парил «яко орел», нужно не править, а переводить, не «переменяя» мыслей автора, – перевел знаменитый монолог короля Лира из сцены бури (III, 2) в прозе. Идею прозаического перевода в 1840-е гг. поддержал В.Г. Белинский. «...переводы Шекспира в стихах, – написал он в отзыве на перевод Н.Х. Кетчера, – пока еще роскошь для нашей публики. <...> Для многих его пьес надобно иметь значительное идеальное развитие, не затрудняться оборотами языка, сжатостью и неожиданностью метафор, надобно иметь очень развитую восприимчивость размышления, чтобы схватить молниеносность мысли его, облеченную в роскошь сравнений и поэтических образов. <...> Если перевод Шекспира может теперь иметь влияние на русскую литературу, то, конечно, перевод в прозе. Русской публике надобно сначала освоиться с манерою Шекспира, с его кистью, сблизиться с ним, почувствовать его мирозерцание, его дух. Тогда только публика будет в состоянии оценивать переводы Шекспира в стихах» [2, с. 117–118].

В этой сложной для раннего русского шекспиризма ситуации Кюхельбекер не разделил классицистских сомнений в праве Шекспира оставаться художественно независимым и самобытным. По убеждению Кюхельбекера, Шекспир, который знал все – «и ад, и рай, и небо, и землю», – «один во всех веках и народах воздвигся равный Гомеру», он «есть вселенная картин, чувств, мыслей и знаний, неисчерпаемо глубок и до бесконечности разнообразен, мощен и нежен, силен и сладостен, грозен и пленителен» [11, с. 203–204]. Поэтому совершенно неправы те, «кто требует, чтоб Шекспир был похож на Расина» [8].

Кюхельбекер не переживал и переводческого замешательства перед образной причудливостью поэтики Шекспира и непривычностью его стиховой манеры. Поэт только сожалел, что в России «нет еще ни одной трагедии Шекспира, переведенной как должно» [5, с. 45] и решительно не одобрял практику адаптационных методик Н.И. Гнедича, А.П. Сумарокова и П.А. Корсакова. При этом поэт полностью отдавал себе отчет в том, что переводить Шекспира – означает решить «самую трудную задачу из всех <...> – пересадку в наш язык причуд гения огромного, но и чрезвычайно своенравного, да еще и англичанина XVII века» [8]. Однако, нисколько не сомневаясь ни в необходимости, ни в возможности шекспировских

переводов, поэт приступил к решению этой задачи. Он специально изучил английский язык, чтобы читать и переводить оригинального Шекспира, мечтая открыть его своим соотечественникам во всем неповторимом великолепии.

Уместно напомнить, что увлечение Кюхельбекера Шекспиром стало особенно активным в годы его тюремного заточения, и именно Шекспир стал мощным жизненным стимулом и бесценной духовной поддержкой для узника Шлиссербургской крепости, желавшего даже там оставаться полезным отечественной словесности. Кюхельбекеру было невероятно трудно заниматься переводом в тюрьме: отсутствовали нужные книги, да и сам Шекспир был у него в устаревшем издании Л. Теоболда. Кроме того, поэт-узник был лишен важных для него творческих контактов, а тяжкий тюремный быт беспощадно разрушал его здоровье, катастрофически ускоряя надвигающуюся слепоту. Тем не менее Кюхельбекер переводил шекспировские пьесы – упорно, настойчиво, одну за другой.

Главная установка Кюхельбекера-переводчика – стремление к точности, причем не только смысловой, но и формальной. Поэт переводил прозаические фрагменты шекспировских подлинников прозой, стихотворные – стихами, рифмованными даже там, где у Шекспира не было рифм. В воссоздании стиховых особенностей Шекспира Кюхельбекер был невероятно тщателен. Твердо желая выдержать принципы эквilinearности и эквиритмии, он постарался воспроизвести даже пятистопный шекспировский ямб, казалось бы, совершенно невозможный в русской поэтической словесности. Однако Кюхельбекер, которому вообще «принадлежал приоритет по введению в русскую поэзию драматического пятистопного белого ямба» [5, с. 54], был настойчив.

Отметим, что таким образом он более чем на столетие опередил переводческий опыт М.А. Кузмина (1872–1936), которого даже в середине XX века не одобряли за подобные новации. Но Кузмин, человек высокой музыкальной культуры, наделенный даром высокой поэтической игры и тонким чувством стиховой формы, – все же выдерживал эквilinearность и эквиритмию. Это стремление сохранить интонационную музыку шекспировского стиха, особенно выразительно представленное в кузминском переводе комедии «Бесплодные усилия любви», явилось серьезным переводческим достижением переводчика [об этом подробнее см.: 11, с. 616–623].

Чтобы воплотить в жизнь свой творческий замысел, Кюхельбекер пошел на смелый лексический эксперимент, сокращая или даже изобретая слова, которые бы вписывались в пятистопную строку. Подчеркну их в своих примерах из переводного «Макбета» Кюхельбекера [12]. «Рой всевозможных скверн над ним парит», – переводит он слова шекспировского Сержанта „The multiplying villainies of nature” из 2 явления I акта трагедии. Там же кюхельбекеровский Ленокс называет норвежского короля („the Norwegian lord“) «Норвежский властель». Чтобы сохранить энергичность звучания последующей его реплики („What a haste looks through his eyes!“), Кюхельбекер дал такую версию: «Какой же спех его очами смотрит!». В 3 явлении акта это же слово произносит и сам Макбет, призывающий соратников: «Вооружимся в мужество и спех!» (в оригинале „Let's briefly put on manly readiness“). Леди Макбет в 3 явлении I акта у Кюхельбекера называет золотую корону („the golden round“), о которой она мечтает для супруга, «бесценный обод», а призывая духов смерти сменить ее пол („unsex me here“), восклицает: «Придите же, меня лишите женства!». Когда в 1 явлении II акта перед убийством Дункана Макбет видит зловещий призрак кинжала, он понимает, что это плод его разгоряченного ума – „Proceeding from the heat-oppressed brain“. В переводе Кюхельбекера

появляется неожиданный архаизированный окказионализм: «Ищлец ты из пылающего мозга». В знаменитом монологе о зарезанном сне герой признает тяжесть своего преступления, поскольку он посягнул на животворную ценность целебного сна – „Balm of hurt minds“. Кюхельбекер опять переводит это выражение с помощью изобретенного им слова – «больных сердец цельба». В следующем, 4 явлении, говоря о сгущающемся мраке, шекспировский Росс скажет, что „dark night strangles the travelling lamp“, а кюхельбекеровский – «...ночь глухая / Тьмит путничий фонарь».

Конечно, подобные эксперименты утяжеляли переводной текст Кюхельбекера, лишая его естественности. Поэт прекрасно понимал это, не переставая редактировать свои переводы. Известно, что за полгода до смерти Кюхельбекер необыкновенно строго оценил свой труд, назвав в продиктованном И.И. Пущину завещании достойными публикации всего лишь три своих работы. Из «Макбета» можно было напечатать три первых акта. По поводу «Генриха IV» поэт распорядился особенно жестко: «Истребить, если не успею переправить» [5, с. 47]. Только «Ричарда III» Кюхельбекер разрешил напечатать полностью, обязательно предварив этот перевод его же статьей «Рассуждение о восьми исторических драмах Шекспира и в особенности о Ричарде III» [8].

Перевод «Ричарда III» Кюхельбекер отработывал особенно тщательно. Здесь ему удалось иногда передать и естественность звучания, сохраняя при этом эмоциональную экспрессию подлинника. Например, в монологе Ричарда, ошеломленного явлением призраков всех убитых им:

Христе, помилуй! Это только сон
 <...> Я один, а Ричард
 Ведь любит Ричарда. – Так! Я ведь я.
 Где здесь убийца? – Что ты? – Я же здесь.
 Беги! Кто это? от себя? Да так:
 Чтоб я не отомстил? Кому? Себе?
 Себя люблю – за что? За добро ли?
 Но оказал ли я себе добро? <...>
 Я изверг – лжешь! Не поноси себя,
 Безумец! Ах! Не льсти себе, безумец!
 Тьма языков у совести моей ... (V, 3) [13].

В «Ричарде III» Кюхельбекер успешнее справлялся даже с игрой слов у Шекспира, полагая, что это «главная особенность его [Шекспира. – Е.П.] диалога, особенно там, где преобладает страсть» [8]. Поэт находил поэтически интересные способы воссоздания шекспировских выражений. Например, в эпизоде, когда лорд Риверс, обратившись к Глостеру „your *grace*“ («ваша светлость») спрашивает, кому был адресован его гневный монолог. шекспировский Ричард ответит ему: „To thee, that hast nor honesty nor *grace*“ (I, 3, 55). Кюхельбекер перевел это обращение не буквально точно, но предельно емко и столь же выразительно: «Вам, ваша Мрачность!».

Выработанная Кюхельбекером переводческая манера была достаточно уверенной и сложной. С одной стороны, стремление сохранять непривычные для России стиховые особенности Шекспира можно рассматривать в духе форенизирующих тактик. Вместе с тем, в заметной мере его переводческая рецепция шекспировских хроник была русифицирующей. Тем более что поэта интересовала вовсе не история Англии – о хрониках он говорил как «русский

русским» [9, с. 142]. Неудивительно, ведь политическая тематика хроник – борьба за власть, преступные деяния захватчиков трона, государственные перевороты – воспринималась деятелями декабризма остро актуальной по отношению к собственной стране. Понятно поэтому обращение Кюхельбекера к принципам доместицирующего перевода. Это особенно очевидно по обилию в его «Ричарде III» русизмов, в том числе архаизированных. Глостер, вспоминая пророчество о букве «Г» (у Шекспира „G“), с которой должно начинаться имя убийцы Эдуарда IV, произносит название древнерусской буквы – «глаголь». Надеюсь, что смерть братьев освободит ему влиятельное место в жизни, Глостер рассчитывает, что мир оставит ему место «стряпать в нем» (I, 1). Леди Анна называет свои слезы бальзамом «печальных вежд» (I, 2). В речи персонажей множество слов с характерными суффиксами («душенька», «вдовушка», «сестрица», «простяк») и разговорными частицами («ступай-ко в путь», «ужо узнаешь», «а где бы ж»).

Говоря о Кюхельбекере-переводчике, особенно важно не забывать вывод Ю.Д. Левина о том, что новым в методе перевода Вильгельма Карловича «был научный подход к материалу». Ученый указал, что поэт был в числе тех отечественных авторов, которые начали осуществлять названный метод в конце 1820-х гг.: «Как Гнедич при переводе Гомера и Вронченко при переводе Шекспира, Кюхельбекер считал необходимым глубокое изучение подлинника [5, с. 48]. Рассматривая этот вывод Левина, мы полагаем, что отдельного исследовательского внимания заслуживают некоторые важные, на наш взгляд, акценты в анализе исторических хроник Шекспира, выполненном Кюхельбекером. Наиболее полно поэт изложил эту позицию в уже названном «Рассуждении о восьми исторических драмах Шекспира и в особенности о Ричарде III»². Отмечено, что, несмотря на исторически понятную ограниченность трактовки Кюхельбекером шекспировских хроник, его «Рассуждение» «содержало многосторонний анализ драм Шекспира, глубокое истолкование шекспировских образов, каких не знала еще русская литература» [8].

Нам важно выделить у Кюхельбекера его *систематизирующий* взгляд на шекспировские хроники, которые он называл историческими драмами. Пьесы, анализируемые в «Рассуждении», автор традиционно перечисляет не по времени их создания, а в последовательности происходящих событий – «Ричард II, две части Генри IV-ого, Генри V, три части Генри VI-ого и Ричард III». Однако принятого в настоящее время выделения двух тетралогий – сначала о первых Ланкастерах, а потом о «войне роз» – он не делает. Подчеркнем, что свержение с престола Ричарда II и примирение Алой и Белой роз Кюхельбекер видит не отдельными сюжетами двух разных тетралогий, а началом и завершением *единой тетралогии*. Поэт называет ее великой исторической поэмой Шекспира. Даже «превосходнейшие трагедии древних», считает Кюхельбекер, уступают этому великолепию шекспировской «исполинской» поэмы.

Не будем сейчас комментировать жанровые определения автора, у которого частями его поэмы являются драмы и обрамляющие поэму трагедии (первая из трагедий – «Ричард II», вторая – трагедия характеров «Ричард III»). Нам важна *идея эстетической и композиционной целостности* того, что Кюхельбекер называет поэмой. В ее связующей сюжетной линии злодеяний, творимых королями-узурпаторами, есть завязка. Это свержение и убийство Ричарда II. Завершает шекспировскую поэму кровавая трагедия Ричарда III. Кюхельбекер убежден, что все шекспировской «исполинской» поэмы части составляют «одно целое, и это целое в

² В 1963 г. Ю.Д. Левин напечатал «Рассуждение» Кюхельбекера в сборнике «Международные связи русской литературы», сопроводив памятник своим предисловием и комментариями. Мы цитируем данный материал в электронной публикации издания [8].

высочайшей степени соединяет в себе единство, разнообразие и стройность; а в величии, силе, религиозной таинственности и поэтической ясности, с какой наконец разгадана таинственность, уступают ему даже превосходнейшие трагедии древних». И хотя каждой отдельной пьесе «дан свой отдельный смысл, своя самобытная жизнь <...>, каждой присвоен характер отличный от характера прочих», все они вместе – «одно огромное, прекрасное тело». Шекспир великолепно гармоничен, «все члены его поэмы в прекрасной между собой соразмерности, <...> ни одна другой не противоречит, каждая умножает силу и действие каждой и всех – все они и цель и средство к достижению высшей цели» [8].

Выделяя идею эстетической и композиционной целостности шекспировских исторических драм, воспринимаемых Кюхельбекером единым творением Шекспира, мы подчеркиваем, что данная идея возникла как *результат переводческого осмысления* хроник. Неизвестно, планировал ли Кюхельбекер перевод всех хроник Шекспира, но своеобразие его переводоведческого взгляда на них, продемонстрированное в его «Рассуждении», позволяет предположить, что писатель вполне мог этого желать. Отметим кстати, что и до сих пор подобных намерений системного переводческого охвата хроник в России не наблюдается. Некоторое интересное исключение представляет Евгения Николаевна Бирукова (1899–1987). Переводившая многих авторов с английского, французского, румынского, бенгальского, церковно-славянского языков, из Шекспира она выбирала только хроники: «Генрих V», «Жизнь и смерть короля Джона», «Генрих VI», «Генрих IV».

Итак, наследие В.К. Кюхельбекера – переводчика Шекспира – важный факт в истории его русского бытования, достаточно выразительно демонстрирующий неустанно возрастающую потребность отечественной словесности в освоении творческих уроков великого трагика. Мы могли увидеть, что в сложной ситуации становления основополагающих принципов отечественной переводческой рецепции Шекспира Кюхельбекер занимал именно те передовые позиции, которые определили ее результативное развитие в XIX веке. Но сожалея о том, что современная поэту переводная литература осталась без его влияния, нельзя не увидеть, что его наследие представляет определенный интерес и для современной переводной словесности. Поэт предвосхитил переводческие поиски в области адекватного перевоссоздания ритмико-интонационных и стиховых особенностей шекспировских произведений, предпринятые в первой трети следующего, XX столетия. Некоторые аналитические подходы Кюхельбекера, убежденного в эстетической и композиционной целостности хроник Шекспира, могут предполагаться как возможные перспективы практики его последующего переводческого освоения. Наконец, уроки того нравственного героизма и самоотверженности, которые проявил Вильгельм Карлович Кюхельбекер в открытии и созидании русского Шекспира, бесценны и не имеют границ во времени.

Список литературы

1. А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников / ред. и предисл. Н.К. Пиксанова; коммент. И.С. Зильберштейна. М.: Федерация, 1929. 344 с.
2. *Белинский В.Г.* Шекспир. С английского. Н. Кетчера. ПСС. В 13 т. Т.13. М.: АН СССР, 1959. С. 113–118.
3. *Бернштейн Д.И.* Кюхельбекер // Краткая литературная энциклопедия. Т. 3. М.: Сов. энциклопедия, 1966. С. 975–979.
4. *Захаров Н.В.* Шекспиризм русской классической литературы. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. 320 с.

5. Левин Ю.Д. В.К. Кюхельбекер – переводчик Шекспира // Шекспировский сборник. М.: Искусство, 1967. С. 44–59.
6. Левин Ю.Д. Литература декабристского направления // Шекспир и русская культура. М., Л.: Наука, 1965. С. 129–162.
7. Левин Ю.Д. На путях к реалистическому истолкованию Шекспира // Шекспир и русская культура. М., Л.: Наука, 1965. С. 316–406.
8. Левин Ю.Д. Рассуждение В.К. Кюхельбекера об исторических драмах Шекспира [Электронный ресурс] // Международные связи русской литературы. М., Л.: АН СССР, 1963. С. 288–314. URL: http://az.lib.ru/k/kjuhelxbeker_w_k/text_0150.shtml. (дата обращения: 12.10.2022).
9. Левин Ю.Д. Пушкинская пора // Шекспир и русская культура. М., Л.: Наука, 1965. С. 129–200.
10. Левин Ю.Д. Шекспир и русская литература XIX века. Л.: Наука, 1988. 328 с.
11. Первушина Е.А. Русские переводы комедии Шекспира «Love's Labour's Lost» // У. Шекспир. Пустые хлопоты любви. М.: Наука, серия «Литературные памятники». 2019. С. 604–638.
12. Шекспир У. Макбет. Перевод В. Кюхельбекера [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_mcbeth6.txt. (дата обращения: 12.10.2022).
13. Шекспир У. Ричард III. Пер. В. Кюхельбекера // У. Шекспир. Великие трагедии в русских переводах. Ричард III / пер. с англ. А. Дружинина, М. Донского, В. Кюхельбекера. М.: ПРОЗАиК, 2015. С. 369–530.

Статья поступила в редакцию 18.12.2022; одобрена после рецензирования 20.12.2022; принята к публикации 23.01.2023.

The article was submitted 18.12.2022; approved after reviewing 20.12.2022; accepted for publication 23.01.2023.